

СЕРГЕЙ ДИКАРЕВ

Цвета времён

Сергей Дикарев

Цвета времён

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507544

ISBN 9785449014597

Аннотация

Книга повествует о советском офицере, который волей обстоятельств, стал участником ужасной междуусобицы русского народа, его борьбы с врагами Отчизны, свидетелем предательства славянского духа в современном мире. Каждый период истории имеет свой, неповторимый цвет времени, в котором оказывается герой. И как мы будем воспринимать значение цвета своего времени, понимать какой цвет выбрать сейчас, что он значит для России, от этого будет зависеть будущее нашей Родины.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Цвета времён

Сергей Дикарев

© Сергей Дикарев, 2018

ISBN 978-5-4490-1459-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая Красный

«Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя;... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Александр Пушкин

Мерный гул авиационных двигателей успокаивал, навевал приятную дремоту, сквозь пелену которой чудилось, что летит он в отпуск, на море, и впереди приятное, вольное времяпрепровождение. Но подсознание упорно прорывалось сквозь приятную пелену и укоризненно твердило ему, что он в опасности и хватит предаваться иллюзиям. Действительно, Алексей летел не на море и даже не в отпуск. А летел он из Кабула на юг Афганистана с конкретной служебной миссией, важность которой никто не определял, да и никому бы в голову не пришло эту командировку чем-то выделять. Обыкновенная боевая работа.

Алексей сидел на вертящемся стуле специалиста самолета радиолокационной разведки и дремал. За его спиной на-

ходила целая стена какой-то аппаратуры, которая полукругом охватывала рабочее место специалиста этой службы. Алексей являлся старшим на борту. При подобных полетах полагалось пассажиров не брать на борт, только могут быть коллеги Алексея. Но в этот раз с разрешения высокого начальства в самолете был пассажир, который мирно спал на десантной скамье, находящейся на противоположном борту самолета и тянувшейся от кабины пилотов до самого заднего трапа воздушного судна. Рядом с ним стояла масса коробок; видимо, пассажир приезжал в Кабул за продуктами для советских военных советников, находящихся на «точке» и, набегавшись по складам и торговым лавкам – дуканам Кабула, отсыпался то ли за прошедшее, то ли за будущее время. Почему места нахождения военных советников назывались «точками», Алексей не знал. Видимо потому, что на карте это место действительно представляло собой точку и более ничего.

А «точки» эти были разными, но все «точки» были и одинаковыми, ибо шанс быть убитым на «точке» равнялся шансу выжить. А измерял этот шанс Господь Бог, и военная судьба. Отличались «точки» тем, что количество военных советников, находившихся на них, было разным, и сами «точки» располагались в разных районах Афганистана и имели разную оперативную обстановку, под которой понималось количество и интенсивность обстрелов и нападений душманов, настроение местного населения, возможность подвоза

продуктов и боеприпасов. «Точки» дислоцировались там, где душманы сами были заинтересованы в своем контроле над этой территорией. Отсюда и конфликт интересов. Были «точки», на которых днём в пятидесятиградусную жару советник передвигался ползком в тяжелом бронежилете и в каске, ибо снайпер или пулеметчик у душманов был дежурным охотником по стрельбе по «шурави», как называли афганцы советских военных советников.

А на этих «точках» советские военнослужащие встречались с немалыми морально-психологическими и бытовыми трудностями. Как правило, жили в полевых условиях, а это палатки или землянки. Плюс бытовые неудобства: недостаток воды, отсутствие электричества, полноценного питания и должного медицинского обеспечения. Непривычные климатические условия: жара, опасные насекомые и пресмыкающиеся, непривычные и даже неизвестные советским медикам болезни. И самое главное; для русского офицера и солдата чувство «отрыва от Родины» имеет громадное значение, которое усугублялось скудностью получаемой информации. Долго приходилось ждать и весточки от близких. А близкие, зачастую, и не знали, что их отец, муж или сын принимает участие в боевых действиях в чужой стране.

Вот на одну из таких «точек» и летел Алексей с грузом в одно место, а попросту со спецмешком, предназначенным для перевозки бумаг государственной важности. Эти бумаги были неким обеспечением того, что в Кабуле вовремя

узнают, а враг не догадается, что военные советники голодают, или кончились боеприпасы, а то и питьевая вода закончилась, либо она отравлена «сочувствующими». Узнают, если радиста не убьют, а если узнают, то обязательно пришлют вертушку или самолет. А вот долетит ли тот или другой до них – это отдельный вопрос. А афганский офицер, советником которого является «шурави»: друг или «сочувствующий», то есть предатель? Истину никто не знал, практика только показывала. В тот год, когда Алексей прибыл в Афганистан, погиб каждый четвертый советник.

Сидеть было неудобно, так как сидел Алексей еще и на парашюте, спереди тянул запасный парашют и вдобавок на живот и грудь давил автомат с пристегнутым магазином, а сзади пояс оттягивали подсумок с запасными магазинами к автомату и кобура с пистолетом с двумя обоймами к нему. Комфорта не добавляла и алюминиевая банка газированной воды «Си-си», которая топорщилась в кармане брюк. Эту воду голландцы поставляли в Действующую армию Советского Союза в Афганистане. Вот уж верно; кому война, а кому бизнес. Конечно, ему надо было взять флягу с простой водой, но хорошая мысль приходит, как известно, позднее. Да и термин «простая вода» в Афганистане очень условный. Воду ещё нужно сделать «простой»; минимум прокипятить, а то и специальную таблетку растворить.

А голландцы уже все сделали. Да никто из руководства и не интересовался, какую воду пьют советники, и что они

едят. Внимания вышестоящих к этому вопросу Алексей не припоминал. Закупать продукты и организовывать своё пропитание было обязанностью самих советников. Единственно наверху знали: пьют – таки советские офицеры и прапорщики, коими и являлись военные советники. А вот что пьют – опять-таки, отдельный вопрос. Были случаи, когда иная «вода» приносила мутный поток разбирательств и суды офицерской чести. Но нельзя не признать, что в Афгане наша водка играла ту же роль, что и в годы Великой Отечественной войны, то есть, неоценимую.

Со стороны Алексей выглядел необычно. Молодой человек, которому слегка за тридцать, с короткой стрижкой и темными усами, одет он в гражданскую (этим правом обладала только их служба) легкую одежду, более приспособленную к приятным прогулкам, но не к боевой работе. Огромный военный парашют и оружие завершали его облик. Алексей покосился на десантный люк в полу самолета и вспомнил, как в первой своей воинской части, куда попал по распределению после военного училища, он добровольно проходил десантно-парашютную подготовку. И когда он уходил из дома на первые прыжки, жена встала на пороге и не пустила его. С тех пор у него осталось чувство чего-то невыполненного. Но сейчас выполнять это «чего-то» вовсе не хотелось, и когда командир корабля инструктировал его о порядке покидания борта в случае необходимости, Алексею очень хотелось верить, что ему удастся в подобном снаряже-

нии провалиться в этот люк, но не хотелось верить в то, что покидать самолет придется именно таким способом.

Мерный гул двигателей самолета исчез, двигатели как будто замерли, и вдруг они взревели, самолет перевалился с бока на бок, подпрыгнул вверх и тут же неожиданно нос корабля взмыл вверх в наборе высоты. Алексея сорвало из кресла и понесло в хвостовую часть самолета. В этом кратком миге полета он увидел, как спящий советник пулей промчался по наклонной десантной скамье куда-то вглубь грузового отсека самолета. Больше он ничего не успел увидеть, разве что боковым зрением заметил стремительно приближающуюся тень стены приборов; удар головой, и стало темно...

Глава вторая

Синий

«Россию влечет сам рок! Её судьбы должны исполнить-ся! <...> Переправимся через Неман! Перенесем войну на ее собственную территорию! Вторая война из-за Польши будет так же славна для французского оружия, как и первая, но мир, который мы заключим, принесет с собой гарантию и положит предел тому горделивому влиянию, какое Россия в продолжение пятидесяти уже лет оказывает на дела Европы».

*Наполеон, речь на переправе
через р. Неман в 1812 году*

– Что вы толкаетесь? – донеслось до Алексея откуда-то издалека.

Алексей попытался открыть глаза, но открыть удалось только правый глаз, который уперся в портьеру, которая висела рядом с необычным окном. Левая же часть его лица уперлась в угол стены рядом с окном так, что его левый глаз касался этой стены, покрытой тканью. От стены и от портьеры исходил острый запах пыли. Руки его висели вдоль его тела, а само тело прижато к стене. Голова сильно болела, боль сконцентрировалась над левым ухом. Алексей отвел голову от стенки, левый глаз открылся с трудом. В левом пле-

че и в локте левой руки ощущалась боль. В его спину что-то давило, прижимая тем самым его к стене.

– Что вы толкаетесь? – донеслось до Алексея откуда-то издалека.

– Откуда вы здесь взялись?!, послышался, но уже явно за его спиной тот-же раздраженный голос.

Алексей решил повернуться к обладателю этого голоса, и это ему почти удалось, но при этом он ощутил сильное головокружение, и к горлу подкатила тошнота. Алексей произвольно произнес нечто похожее на отрывку, за которую ему самому стало неловко. На него смотрел человек ростом ниже Алексея, с усами и большими бакенбардами на лице. Его лицо выражало одновременно злость и пренебрежение. В руках этот субъект держал шляпу, похожую на головной убор военных времен наполеоновских войн, на нем была одежда той же эпохи.

– Да вы еще и пьяны!, прошипел злорадно незнакомец,

– Будь моя воля я вас под караул засадил бы, на воду! Вы не видели, как он здесь очутился?, спросил он какого-то человека, стоящего рядом с ним и разглядывавшего Алексея в монокль.

– Нет, не заметил, князь, а впрочем поспешим, а то пропустим самое интересное, равнодушно ответил тот.

Алексей почувствовал, что у него открывается рот от услышанного, а еще больше, от увиденного; он стоял у окна, в зале..., ну конечно, так и есть, музея, по которому шли,

нет, пока стояли, экскурсанты – женщины и мужчины, одетые как на маскараде, только без масок, они смотрели куда-то вправо от него, не обращая внимания на Алексея. Было видно, что все они ощущают себя сопричастными, к чему-то важному в их жизни, и им нет ни какого дела до него. Слышался тихий говор, до него долетали отдельные слова, он их отчетливо слышал и понимал их смысл.

Появилось возможность и на себя посмотреть. Вот это да! Оказывается, он тоже участник этого маскарада. На нем черные высокие сапоги с тупыми носками, серые обтягивающие штаны, нечто вроде колготок, а то, что надето было поверх, он вообще не знал, как эта одежда называется, но то, что на его плечах были золотые эполеты, это точно. Оружия не было, в отличие от многих костюмированных. Не было и шляпы, в то время, как все находящиеся в зале их имели.

Экипированные экскурсанты в музее – это ещё ладно! Но «под караул» и на «воду», да ещё «князь», это уже слишком, подумал Алексей. Во как вошли в роль! Кстати о воде! Хотелось пить, он попытался достать банку с голландской газировкой и оторопел. Банки не было, но не было и кармана! Что больше его поразило; отсутствие воды или кармана он не мог понять. Что с ним происходит? Сон? Но такой сонной яви он за собой ранее не припоминал. Стоп, а куда делся его зеленый «государственный» мешок? Где самолет, наконец?

Ему хотелось закричать от ужаса. Очень захотелось проснуться и вернуться в самолет, к банке с водой и к брю-

кам с карманами. Он замотал головой, но кроме головокружения и тошноты ничего не произошло. Рядом кто-то из костюмированных прокричал здравицу императору российскому Александру I и прокричал её на французском языке, и Алексей это понял! Он вспомнил свой уровень французского в школе и опешил. Нет, положительно, я с ума хожу, пронеслось в его голове.

Его переживания не остались незамеченными, на него уже посматривали с недоумением. Что делать, как себя вести дальше? Он сделал шаг вперед и сразу попал в толпу костюмированных, которая его приняла, обхватила и медленно стала толкать вперед, в другую залу, намного больше этой.

В той зале гомона не было, слышался голос одного человека. Ему отвечали почтительно и уважительно. Когда голоса смолкали, слышалось шарканье многих пар ног, несущих экскурсантов далее. Алексей засмотрелся на картину рядом с дверью в следующую залу, и толпа его оттеснила от прохода в неё.

Он решил дальше не идти и выбираться из музея с тем, чтобы на улице на свежем воздухе прийти в себя. Он стал пробираться обратно против движения толпы. В зале перед выходом из музея стояла группа военных, мундиры которых были разными и только у одного из них был похож на мундир Алексея. Он встал за колонну и внимательно осмотрел детали мундиров военных, отметил их фасон, их шляпы и кивера, на которых четко угадывалось изображением Святого Ге-

оргия, их холодное оружие. Военные разговаривали на французском языке о каком-то смотре. К ним подошел человек в одежде, похожей на казацкую и на русском языке доложил, что господ офицеров призывает командир.

Он одет в форму русской армии, догадался Алексей. Вспомнив про обещанный караул и воду, пришел к выводу; следует действовать согласно предлагаемым событиям этого интересного сна, а для этого необходимо экипироваться, как это требуют обстоятельства. Благо, на стуле лежала такая же шляпа, какую держал военный в форме, похожей на его форму. Алексей взял шляпу в руки и осмотрел её на предмет особых меток хозяина или иных причин, позволяющих хозяину потребовать вернуть ему шляпу, а то и обвинить его в воровстве. Из книг он знал, что в те времена это было смертельно опасно. Ничего не обнаружив, решительно сунул шляпу под руку, как сделал это один из присутствующих офицеров.

Следуя за военными, он вышел из здания музея и на отдалении проследовал за ними. На улице он водрузил шляпу на голову, в точности как это сделал тот же офицер.

Офицеры шли быстро, извозчиков не брали, что порадовало Алексея. Но все военные, попадавшие им на встречу были при оружии, что смущало Алексея. А попадались на встречу, судя по мундирам и говору, не только русские военные. Да это же союзники, догадался Алексей, лихорадочно вспоминая обстоятельства пребывания русских войск в Париже в 1814 году, а то, что это именно так, он уже не со-

мневался, так как они вышли из здания, похожего по фотографиям из газет и журналов на французский музей Лувр. В советской школе этому событию особого внимания не уделяли, а в училище больше рассказывалось о ведении военной компании 1812 года на территории России. О пребывании русских войск в Париже, о каких-то деталях этого пребывания почти ничего не рассказывалось, только неизменно сообщалось, что французы с ликованием встретили союзников, особенно русских. В свое время именно это обстоятельство и подвигло Алексея узнать об этом времени побольше.

Они прошли уже немало, миновали парк и площадь, Алексей стал уставать, болела голова, хотелось спать или, на худой конец, просто присесть на стул или на лавочку. Но отставать от группы было нельзя, приходилось терпеть.

Как оказалось, и парк, и площадь были суть одной улицы, которая за площадью плавно поднималась немного вверх, вдали виднелся холм, а на холме наблюдалось что-то в виде фундамента. Так это же арка! Именно та Триумфальная арка, которую Наполеон намеревался воздвигнуть в ознаменование своей победы под Аустерлицем! Значит, они находятся на Елисейских Полях. Забавно, подумал Алексей, Наполеон заложил эту арку в честь, считай, самого себя, а недалеко от неё расположились русские части, занявшие Париж, а через сто лет мимо этой арки пройдут немецкие колонны Вермахта. И что примечательно, что если в 1812 году французы хоть короткий, но приняли жаркий бой за свою сто-

лицу, то в 1941 году столицу сдали немцам вовсе без боя. Промаршировали бы немцы и в Первую мировую войну, да опять же русские не дали им это сделать. Обмельчал француз с тех пор.

Тем временем, группа военных подошла к многочисленным палаткам, расставленным ровными рядами и окруженных кустами и небольшими деревьями, и двинулась вглубь их расположения. Он пошёл следом за ними.

Здесь, по всей видимости, стояла русская кавалерия, так как следы пребывания оной виднелись повсюду: растительность выщипана, кустарники объедены, на отдельных кустарниках стоят подводы. Под деревьями устроены стойбища лошадей. В самом центре палаточного лагеря имелась пространство ничем не занятое. Видимо, все эти кустики и деревца явно мешали для оборудования этого лагеря, поэтому их вырубали и аккуратно сложили неподалеку. Горел костер, видимо из них же. Солдаты что-то варили, многие были заняты починкой одежды и чисткой оружия. Чувствовалось приподнятое настроение всех находящихся в этом военном лагере. Военные остановились возле большой палатки, к ним подходили и подходили другие военные. Из палатки вышел человек, средних лет с усами и бакенбардами. Впрочем, без усов здесь были единицы. Вокруг образовалась толпа. Что говорил военный, Алексей не расслышал толком. Вскоре знакомая группа отделилась от толпы и направилась к одной из палаток и всей гурьбой ввалились в неё. Алексей

обошел палатку с другой стороны и обнаружил возле палатки нечто вроде лежака из сена, досок и пустого ранца, что было очень кстати. Он с удовольствием устроился на лежаке, положив ранец вместо подушки, и стал прислушиваться к разговору в палатке.

А в палатке видимо готовились к веселой трапезе, слышался звук открываемой бутылки, звяканье приборов и топот сапог, денщики суетились.

Раздался голос:

– Господа, выпьем за русское воинство!

При этих словах Алексей невольно сглотнул. Ему тоже захотелось выпить... воды. Послышался гул ободрения и после короткой паузы гул голосов возобновился. Тот же голос громко произнес:

– Афанасий! Тот, наверное, его не услышал, и голос произнес еще громче:

– Столыпин! Голубчик, расскажите про свое пребывание в Лувре. Господа, Афанасий был в Лувре, когда его посещал наш Император.

Гул голосов стих.

– Да, господа! Мне удалось быть свидетелем визита Императора Российского во французский Лувр. Должен вам заметить, что самих французов там было немало. Толкались как на базаре. Государь и свитские шествовали по залам и рассматривали картины и прочее великолепие дворца. Пояснение государю давал некий барон Денон. Как оказалось, он

был директором музея. И тут случился конфуз! Государь заметил, что некие редкие шедевры он не увидел, только пустые места на стенах, и истолковал это как меры предосторожности со стороны директора музея, опасавшегося, что шедевры заберут в качестве трофеев. Государь обернулся к барону и сказал: «Разве я не обещал, что памятники будут сохранены? Они думают, что я намереваюсь пренебречь своим словом?», – добавил он.

Каково, господа?! Этот Денон явно мерил Императора Российского на свой аршин! Какая мелочность французского характера по сравнению с русским великодушием! Все остальное было уже неинтересно государю, и он отправился к выходу.

– Этот барон, ещё тот прохвост. Он являлся главным советником Наполеона для выбора произведений искусства, забираемых в виде контрибуций. А Бурбоны его пригрели, – сказал кто-то другой.

– Да господа, имеет место быть неблагодарности французской. Мы не французы, а русские, и мы не грабим музеи и обывателей, но зато мы умеем сражаться.

– Господа! Вы слышали новость? Бонапарт отрекся от престола! В обществе обсуждают слова Байрона.

– Не томите, прапорщик, что за слова?

– «Это способно исторгнуть слезы металла из глаз сатаны!». Вот его слова.

– Мой кузен мне сказывал, что сторонники Бурбонов бы-

ли на приеме у нашего Императора. Просили убрать Вандомскую колонну и отменить орден Почетного легиона. Ничуть не бывало. Государь отказал, – продолжил разговор кто-то ещё из присутствующих.

– Раздался голос: Господа, выпьем за Императора Александра Павловича!, присутствующие охотно поддержали тост.

– Сделай государь, как просили, так они же, в последствие, будут трубить, что это сделали русские, а о просителях никто и не вспомнит, сказал кто-то.

Действительно, подумал Алексей, сколько лжи придумали западные историки с тех времен о русском солдате и о самой России. Ничего не меняется.

– А вот жалобу властей Парижа на то, что русские части при расквартировании на Елисейских Полях повредили зеленые насаждения. Государь выслушал. И повелел, господа, восстановить эти самые насаждения, -произнес тот же голос, ранее ссылавшийся на своего кузена.

– Помилуйте, господа! Это что же получается, победители стоят бивуаком вместо теплых и уютных квартир, коих здесь полно, и при этом им надо беречь каждый французский куст?, – возмутился кто-то.

– Это, право, в действительности даже невозможно.

Повисло молчание. И вдруг голос произнес с тайным подтекстом:

– Есть счастливичики среди нас, господа, кои и в квартирах

француженок бывали!

– И кто же они?, оживились все.

– Наш любезный друг штабс-ротмистр Дрейлинг. Расскажите приключение, Дрейлинг!

– Мы с товарищем сняли себе квартиру, как раз над Theatre Francais. Провели там три недели, которые прошли для нас сплошь очень весело. Целый хаос новых впечатлений, удовольствий и наслаждений всякого рода, которых и описать невозможно. Прелестные француженки очаровательны! Я знакомлюсь с очаровательной обитательницей бельэтажа. И что же она мне рассказала, господа! Среди жителей царили страх. Особенно боялись пруссаков и нашего брата. Про нас ходили страшные слухи, рассказанные выжившими в походе 1812 года на Москву. Но больше всего боялись наших казаков. Но мы развеяли их страхи.

Далее он продолжал:

– Был свидетелем, господа, въезда короля Людовика XVIII и принцессы Ангулемской, дочери несчастного короля Людовика XVI. Сад Тюльери. Большая Опера. Балет. Пале-Руаяль. Игорные дома!

Представьте, я обратился к хорошему живописцу с заказом нарисовать с меня миниатюру для родителей. Миниатюра выходит очень удачно. Сходство удивительное! Затем у нас получилось пресыщение от всех удовольствий, и мы даже обрадовались, когда стало известно о скором выступлении в Отчизну.

Так хочется увидеть русский лес, речку, обнять родителей и побродить по отчиму дому! – закончил невидимый Дрейлинг.

– Показать бы этим жителям, что творили их соотечественники в Москве и Смоленске!, – сказал кто-то со злостью.

Никто не ответил ему, воцарилась тишина, видимо каждый из присутствующих, после слов Дрейлинга вспомнил что-то свое, личное, о чем не хотелось никому рассказывать.

Алексей одно время очень подробно интересовался теми далекими событиями 1812—1814 годов. Французов и, особенно, парижан в 1814 году обуривали страхи перед солдатами союзнических войск, в первую очередь перед русскими солдатами: в их представлении это были рычащие чудовища с вилами наперевес. Так французам представляли русского солдата газеты и плакаты того времени. Действительность Францию поразила: она увидела солдат европейской внешности, рослых и подтянутых, чистых и опрятных, которыми командовали офицеры, безупречно говорившие по-французски, что мгновенно позволило найти общий язык с побеждёнными. Особенный колорит придавали казаки и азиатские части русской армии. Кстати о газетах и плакатах, этот «опыт» очернения русских на западе активно используется и сейчас. Удивительно, обыватель верит.

Русский царь без охраны гулял в центре Парижа, что удив-

ляло французов, простые люди могли с ним поговорить, чем он очень расположил их к себе. Как такового комендантского часа Париж в полной мере не ощутил и практически не жил в этом режиме, а ведь было военное время. Работали все присутственные места, почта, не говоря о банках. Даже работала русская полиция. Русским пришлось перемерить заново все дороги в верстах и поставить повсюду верстовые столбы, так как французская единица измерения расстояния нашим соотечественникам была не понятна. Алексею и сейчас она не понятна. Расстояние измеряю в лье, которых несколько и все они разные по расстоянию.

Из города можно было спокойно и выехать и въехать обратно. В Париже, в общем, было спокойно и безопасно. Известен случай, когда при штурме Парижа было открыто кафе на Монмартре, где посетители обсуждали новости дня, хотя слышалась перестрелка. Но это все было следствием того, что русский Император в своем обращении к французам обещал им спокойствие и ненасилие со стороны русских войск, если город будет сдан, иначе будет штурм, после которого французы не узнают свой город. Русские всегда держат данное слово. Этим запад пользуется в своих целях и сейчас.

Но пруссаки отличились: перепились, разграбив винные погреба. Русские себе подобное не позволяли, «вежливость» русского солдата еще с тех времен. Но разговоры о чересчур строгой дисциплине, ограничивающей их в возможности попользоваться правом победителей имели место, тем более

армия видела, что в Москве и в других городах России творили «лягушатники» и их европейские холуи.

Накануне взятия Парижа больше всего именно казаков изображали исчадиями ада. В карикатурах-страшилках, расклеенных по городу, казаки изображались с ожерельями из человеческих ушей, любивших все поджигать и пьянствовать, и спящих в беспамятстве непременно в лужах, без медведей тоже не обошлось.

Но именно на их долю выпал особенный успех у парижан: купаться в Сене совершенно без одежды, поить и мыть там же своих коней – такого французы не видели никогда. Парижские мальчишки надолго запомнили казаков за их щедрость и сувениры, за возможность проехать с казаком на его коне. В целом казаки оставили о себе добрую память, хотя и не отличались особенной деликатностью. Француженки с удовольствием учили их этой деликатности. Сами казаки называли это триктрак.

Русские удивлялись любви французов к лягушачьим лапкам, а французы - привычке русских все есть с хлебом.

Европейцы были поражены калмыками на верблюдах. Дамы падали в обморок, видя верблюда и всадника на нем. Один вид колмыков с луками и стрелами наводил ужас. Их боялись по настоящему: бородатые солдаты жгли костры на берегу Сены и что-то жарили. Если жарили мясо, то чье? ... Слухи ходили разные.

Позже жена наполеоновского генерала А. Жено, герцоги-

ня Абрантес, в своих мемуарах упоминала об эпизоде со знаменитым казачьим атаманом Матвеем Платовым, случившемся с ним в Шампани: он взял на руки маленькую девочку, а её мать тотчас же бросилась с криками ему в ноги. Генерал не мог понять, что кричит ему эта обезумевшая женщина. Оказалось, что она просит его «не есть её дочь» (!).

Смешно и грустно, одновременно, особенно если учесть, что русские в Париже никогда не позволяли себе издевательства и притеснений побежденных.

И все же, рассказы о пребывании русских войск куда более благодарного толка, чем о союзниках по антинаполеоновской коалиции, то бишь европейцев, которые не обременяли себя ни в чём и вели себя как захватчики. Что-нибудь изменилось с тех пор?

После взятия Парижа Россия приобрела статус сверхдержавы.

Но благородство русского солдата быстро забывается. В 1844-м в Париже подготовили к постановке пьесу «Павел I», имевшую откровенно антироссийский подтекст.

Об этом доложили сыну «главного героя» пьесы, Николаю I.

Царь направил в Париж письмо, в котором указал, что он пришлёт в город «миллион зрителей в серых шинелях, которые освищут это представление», если пьесу всё-таки обнародуют.

Русские ушли из Парижа, все картины и статуи остались

на месте, что не скажешь об отступающей французской армии, обоз которой был набит награбленным в России. Тому подтверждение письма того времени, адресованные французскими солдатами домой. (Письма домой немецких солдат периода Великой Отечественной войны ничем не лучше, почитаешь и хочется их давить и сегодня).

Вспоминаются слова командующего второй армией Багратиона: «... войска неприятеля не что иное, как сволочь со всего света... Они храбро драться не умеют, особливо же боятся нашего штыка. Я с вами, вы со мной!» (Владимир Мелентьев. «Фельдмаршалы Победы. Кутузов и Барклай де Толли»).

Еще до отступления была организована отправка награбленного во Францию, а это говорит о том, что на это было отдано соответствующее распоряжение. Как же, просвещенная Франция! Наполеон ограбил все страны, куда он вторгся, взамен – лозунги Французской революции. Один Египет чего стоит. Чтобы не тащить все подряд, он в походы брал ученых, которые знали, что брать императору. А что не удалось забрать, то взрывали. Тому примеров в России множество.

Поражает русский человек, который после сожжения и разграбления своей страны не кинулся мстить, жечь и ломать, тащить в обоз. Слом зеленых насаждений на Елисейских Полях был той малой необходимостью и если хотите данью подвигу русскому солдату, так как русский император

принял все меры, дабы не притеснять местное население постоем русских войск в их жилищах. По этой причине русские войска располагались в основном в полевых условиях.

Пребывание русских войск в Париже стало венцом благородства российского народа и его Армии, в корне отличавшемся от дикого варварства наполеоновских солдат, показавших себя насильниками и мародёрами в русских городах.

Служба русских войск была поставлена образцово, нарушение дисциплины жестко пресекалось, даже мелкое воровство каралось. Без эксцессов в военное время не обходится. Так, офицеры союзных армий дрались на дуэлях с демобилизованными французскими офицерами (подобное можно было бы представить во времена оккупации Парижа немцами в 1940 году?). В знаменитых прудах дворца Фонтенбло переловили всех карпов, в этом винят казаков. А карпы были огромные.

Во время оккупации Парижа стал известен один случай изнасилования женщины. Виновник был казнён. Командовавший российским оккупационным корпусом граф М. С. Воронцов, заплатил все долги, имевшиеся у русских офицеров во Франции. А это составило аж полтора миллиона рублей (для этого граф продал свое имение). По сути заплатил из своего кармана.

Откуда деньги у офицеров и солдат? Русский император перед взятием Парижа распорядился выдать жалование за 1814 года в тройном размере, плюс французы активно да-

вали в долг офицерам, при этом нужно было только представить письмо от командира, что, мол, обязательно вернет долг.

Безусловно, не всем офицерам и солдатам во Франции жилось сладко, как об этом рассказывают в своих мемуарах известные русские дворяне. Армейское руководство притесняла собственных же подчиненных. Сверх меры щепетильность в отношении побежденных не могла не сыграть своей роли.

От того и были разные настроения в войске. Русские не забыли, что всего два года назад эти «побежденные» в России убивали мирных людей, насиловали женщин, оскверняли храмы, грабили дома и храмы. Но в большей части войска настрой был иным, и он задавал всем тон поведения.

Для русского человека важно не ударить в грязь лицом, пусть ему будет хуже, но для его души будет лучше! И в этом мы разительно отличаемся от европейцев, которым побудительным мотивом служит выгода. Победить великодушием для нас до сих пор важно.

Сегодня редко какой француз, гордящийся своими уникальными музеями, знает, что тот же Лувр, его картины и статуи сохранены до наших дней благодаря удивительному бескорыстию русских, проявленному во времена оккупации Парижа. А о том, что при подписании мирного договора именно Россия настояла на том, чтобы все, что награблено наполеоновскими ордами и поступившие в парижские

музеи в качестве трофеев, там и оставалось. И не было никаких территориальных контрибуций, предъявленных Франции. Редкий любознательный историк может сказать об этом факте.

И кто же варвар? До сего времени во Франции находятся культурные сокровища завоеванных стран. Англичане в подобном не уступают французам: Египет и Индия, другие колонии обогатили их музеи. А что содержали бы их музеи без украденных культурных ценностей других народов? Это ещё вопрос. Ну и что изменилось с тех пор в просвещенной Европе? Страшилки о русских пережили века и перекочевали в наше время.

Но что для нас, русских, является самым важным в тех событиях? Несомненно – апофеоз русской славы среди европейцев.

Подобного в Европе еще не было. Россия и её Царь дали урок благородного и христианского поведения в военное время. Мы, русские, можем по праву гордиться нашими предками. Россия и второй раз спасла Францию и Париж после «„Ста Дней“» Наполеона от мщения разъярённых англичан и немцев, хотевших предать Париж мечу и огню.

Справедливости ради надо отметить, что Европа и особенно Франция многим представлялась чуть ли не раем на Земле. После окончания войны эти многие были разочарованы и Европой и особенно Францией. Это прослеживается в многочисленных мемуарах свидетелей той эпохи.

Французы были поражены русской баней и особенно регулярностью её посещения, а русских они поразили неряшливостью, бедностью и неопрятностью. Многочисленные детские попрошайки на всех улицах Парижа удивляли солдат и офицеров русской армии. Население имело ограниченный кругозор и массу предрассудков. Опять вопрос: что изменилось за двести лет?

Увидев, как живут люди в Европе, у большого числа солдат и офицеров появилось множество идей. Были солдаты, которые дезертировали и остались во Франции, а некоторые и в Германии. Известен случай, когда русский солдат попал в плен еще в сражении при Аустерлице. Обзавелся семьей, служил во французской армии, правда, в войне против России не участвовал, но возвращаться домой отказался. Случаев дезертирства среди казаков не отмечено. Дезертировали в своей массе бывшие крепостные крестьяне. О таких солдатах не жалели.

Домой офицеры вернулись с мыслью добиться изменений в России. И таких было немало. Европейский поход стал одним из толчков к декабрьскому восстанию на Сенатской площади. Русский император своим манифестом разрешил во Франции свободу слова, печати и собраний, а Польше даровал конституцию. Даже к нищему французу обращались «мсье». В России же барин оставался барином, а холоп так и был бесправным. Как это было понять офицерскому корпусу, особенно её молодой части? И не понимали.

В 1812 году не в первый и не в последний раз русская земля подверглась нашествию врага, в числе которого, надо отметить, были народы всей Европы. Нависшую опасность осознали все сословия русской империи. Началась борьба с врагом и организованная и самостийная, сражались барин и холоп. Каждый из них не жалел ни своего имущества, ни своей жизни. Они сражались в первую очередь за свою Россию, а не за конкретный престол. На поле сражений лилась так называемая голубая кровь и кровь крестьянская, красная. И эти два потока, вопреки надеждам врага на обратное, слились вместе, они изменили цвет крови, она становилась иной – синей, как небо над Россией, ибо небо над Россией одно на всех. И докатился этот поток до самого Парижа. И только потом, оказавшись на родной земле, поток снова начал менять цвет и разделяться на прежние цвета, не подчиняясь надеждам вернувшихся на то, что цвет более не будет меняться.

Тем временем быстро смеркалось, а в палатке общее настроение вновь стало иным. Разговор пошел то о местных лошадях, то о местном вине, то ещё о чём-то другом.

– Господа! Господа! Прошу внимания, произнес голос явно очень молодого человека, Мне сказывал мой денщик. Они с гурьбой посетили местную ресторацию, заказали вина, а после трапезы хозяин посчитал бутылки на столе и назначил оплату. В следующий раз они вновь пошли туда же,

и все повторилось, однако в этот случай они часть бутылок опустили на пол. Хозяин их не посчитал. Вот, господа, пустая бутылка на столе – к расходам!

Раздался дружный смех.

Алексей уже не мог бороться с дремотой, суть разговора стала ускользать от него, ему хотелось спать. Желание спать во сне! Нарочно не придумаешь. К тому же появились порывы прохладного ветра, несколько капель дождя упали ему на лицо. Очень некстати, подумал он. Куда ему деваться? Кругом уже темень. Он вспомнил, что метрах в сорока от этой палатки растут деревья и под ними стояли подводы с обтянутым верхом. Алексей поднялся и побежал по направлению к деревьям. Уже подбегая к темному силуэту подводы, внезапно ощутил удар в голову. Наступила тишина и темнота....

Глава третья

Красный

Алексей почувствовал дрожание пола самолета, хотел открыть глаза, полностью получилось открыть только правый глаз. Левый глаз болел и открылся наполовину. Откуда-то слева от него доносился стон. В глазах двоилось, его глаза пытались «настроиться» на резкость, словно в бинокле. Заметив рядом с ним носки авиационных ботинок, он с трудом приподнял голову. Рядом с ним стоял второй пилот и улыбался.

– Жив? – спросил он.

– Пить! – вместо ответа попросил Алексей. Пилот протянул флягу и сказал:

– Осмотри себя, а я пойду посмотрю, что случилось с пассажиром.

Болела голова, особенно над левым ухом, болело и левое плечо. Перевалившись вправо, Алексей посмотрел на стенку приборов. Его левое плечо угодило в аккурат в выступающую какую-то ручку управления прибором, а голова «приземлилась», судя по пятнышку крови, между тумблерами. Если бы влетел в тумблеры, голова могла не выдержать удара. Он только сейчас понял, что самолет в полете и снижается рывками. С трудом встав, Алексей почувствовал головокружение и чтобы, не упасть, поспешил сесть на прежнее

место.

– Ногу сломал, – сказал второй пилот, указывая рукой в хвост самолета.

– Сейчас сядем в Кандагаре, его высадим в санчасть и дальше пойдем.

– Тебе врач нужен? спросил пилот.

Алексей отрицательно мотнул головой и пожалел; приступ тошноты подступил к горлу. Нужен, конечно, мне врач, подумал Алексей, пусть хотя бы осмотрит шишку на голове. Он с удовольствием лег бы на санитарную кровать и заснул хоть на час, так хотелось спасть, но подсознание вновь вклинилось в его мысли, оно напомнило, что у него было и еще одно задание, о котором знал лишь он один и выполнить он это задание должен был лично. А значит, надо лететь дальше, первую задачу выполнять, там люди ждут его, и вторую задачу еще надо успеть выполнить.

Самолет коснулся ВПП, пробежал по ней и быстро за рулил на стоянку. Еще крутились лопасти двигателей самолета, но задний трап был уже опущен. Алексей снял парашют, с трудом встал и двинулся на выход. Двое санитаров укладывали на носилки матерящегося пассажира, рядом стояла «таблетка» – вездесущий УАЗик. Пока грузили пассажира, к Алексею подошел военный врач. Осмотрев голову, он помазал ранку чем-то, при этом пытался поглядеть в глаза Алексею и уже хотел что-то сказать, как вдруг раздались встревоженные голоса, и все стоящие люди возле самолета

повернули головы в сторону ВПП, на которую боком садился Ан-12, из одного из двигателей которого валил дым.

– Подбили, суки, кто-то сказал рядом.

– Мы увернулись, а ему не удалось, он шел следом за нами, чуть ниже, сказал стоявший рядом с Алексеем командир его воздушного судна.

Все видели, что самолет начал «рыскать» по ВПП и, как будто наткнувшись на что-то, развернулся, и выкатился с полосы в сторону забора из колючей проволоки. Под колесами самолета раздалось несколько взрывов. Самолет подпрыгнул, прижался к земле, словно пехотинец, его хвостовая часть задралась вверх и стала отделяться от корпуса, стремительно валясь вбок на землю. Одновременно из хвостовой части, где размещается радист-пулеметчик, выпал человек и упал на землю, его накрыло хвостовой частью. Раздалось еще несколько взрывов. Из развороченного самолета вверх вырвались какие-то бумажки, подхватываемые ветром, они взмыли вверх и стали кружиться над самолетом, постепенно снижаясь, но ветер их у самой земли вновь подхватывал и относил дальше и дальше от места трагедии. К самолету уже спешили люди и машины, но близко к борту никто не подъезжал; Ан-12 вынесло на минное поле, о чем напоминали таблички. Появились люди с палками, и за ними стала выстраиваться цепочка из людей, которая потянулась к самолету. Пламя разгоралось.

Голова Алексея перестала интересоваться доктором, и тот уже

бежал к горящему самолету. Хоть успел помазать, подумалось Алексею. Командир экипажа заорал Алексею:

– На борт, приказ на взлет!

Алексей и бортинженер бегом поднялись на борт. Быстрое перемещение вызвало у него сильное головокружение и тошноту. Самолет без проволочек пробежал по ВПП и резко взмыл в небо. Алексей вновь стал надевать парашют, но получалось не очень. Подошел бортинженер и помог одеть парашют, после чего протянул ему бумажку. Это была денежная купюра достоинством 500 афгани, новая, резко пахнущая краской. Вот эти бумажки и летали над аэродромом. Уже вернувшись, и будучи на дежурстве, Алексей узнал, что на борту того Ан-12 была очень большая сумма афганской валюты, которую доставляли в провинцию Кандагар. Стрелок погиб. О других членах экипажа не было ни слова.

Вскоре их самолет приземлился на полевым аэродроме недалеко от иранской границы.

«Таблетка» уже ожидала самолет. Алексей загрузился с мешком в машину, и та медленно двинулась к кишлаку. Пыль на дороге была такой плотной и глубокой, что автомобиль не мог двигаться быстрее. Состав этой пыли был таков, что местные применяли её вместо цемента и сооружали дувалы (т.е. заборы), которые, возведенные с помощью глины и этой пыли, легко выдерживали огонь из пулемета. Из кабины, завешенной шторами (чтобы с улицы не видно

было, кто находится в машине), Алексей рассматривал местных жителей, стоявших вдоль улицы кишлака и молча провожавших взглядами машину. Лица были угрюмы, радости на лицах не было видно, только мальчишки бежали рядом с машиной и кричали: «Бакшиш!, Бакшиш!» (Подарок! Подарок!). И нищета непроглядная; можно снимать фильм про средневековье. Хотя, и что говорить, по афганскому летоисчислению шел 1355 год.

На точке Алексей не стал задерживаться, выполнив формальности, передал мешок своему коллеге, отказался от обеда и быстро убыл к самолету.

Быстро взлетели. Когда спецмешка уже рядом нет, на душе спокойнее. Пребывание на этой точке как-то вытеснило из сознания Алексея головную боль, но на борту она о себе напомнила, хотя шишка на голове болела уже слабее.

Вскоре самолет начал резко снижаться и вот он уже рулит по взлетной полосе, расположенной в долине, где расположен город Фарах, вокруг которой возвышались горы черного цвета. Как потом оказалось, и земля была тоже черного цвета. Это все создавало космический пейзаж и навевало одновременно ужас и восхищение.

Было жарко, экипаж и Алексей сидели в тени, прислонившись к стойке шасси. Алексей время от времени рассматривал в бинокль окрестности. Кругом не было ни души. Это прибавляло к космическому пейзажу изрядную долю беспокойства и чувства опасности. От этого необорудованного

аэродрома до ближайшего кишлака, где также были наши советники, было всего несколько километров. Но Алексей прибыл сюда не для встреч с ними. Они даже не знали о его прибытии. А может, и знали, обеспечивая это мероприятие со своей стороны. На войне не всем и не всё положено знать.

Через час тупого ожидания Алексей заметил в бинокль какое-то движение на склоне горы. Лучи солнца, застрявшего над вершиной горы, мешали рассмотреть четко детали. Сосредоточив свое внимание на движущейся точке, Алексей дал указание всем наблюдать вокруг за обстановкой. Прошло еще 20 минут, солнце ещё цеплялось за вершину горы, готовясь на отдых, но уже практически не мешало видеть, что к ним спускается человек, он один и без багажа, но вооружен. Алексей встал, взял свой автомат и медленно пошел навстречу этому человеку. Через 30 метров он остановился и стал поджидать гостя. Человек шел походкой уставшего человека, несколько раз переложил автомат с одного плеча на другое, видимо, автомат ему очень надоел и казался ему очень тяжелым. И вот загадочный гость перед ним. Высокого роста, весь в пыли, грязное лицо, волосы давно не мыты, торчат в разные стороны, на ногах спортивная обувь с подвзанными веревкой подошвами. Алексей взгляделся в заросшее густой щетиной усталое лицо. Не может быть!

– Ты? – вымолвил Алексей.

– Я, Лёша!.

Передним стоял его однополчанин по службе в Закарпа-

ть, офицер боевого управления авиацией. В Афганистане офицеры этой специальности выполняли опасную роль авианаводчиков, нередко вдали от своих войск. Они обнялись.

– Вода есть?!

Алексей вспомнил о банке газированной воды, так и торчащей в его кармане. Торопливо достал банку из кармана и протянул офицеру. Тот быстро её вскрыл и, не отрываясь, выпил её содержимое. Посмотрев на пустую банку с сожалением, бросил её на землю. Алексей не задавал вопросы гостю; где был и что там он делал и почему один. У каждого своя боевая работа. Они пошли к самолету, ведя разговор об общих знакомых, где они сейчас и как они, каждый избегая говорить о себе. Вот и второе задание им выполнено.

Они подходили к самолету, а экипаж уже заканчивал подготовку к вылету. В кабине самолета гость сразу лег на десантную скамью и мгновенно уснул. Алексей парашют не стал надевать и уселся на короткую десантную скамью на противоположной стороне борта самолета. Вскоре и он задремал под ровный гул двигателей.

Очнулся он от легкого прикосновения к плечу. Он открыл глаза, перед ним стоял тот же бортинженер.

– Командир просил передать, что поступила команда на посадку в Герате; забрать группу советников в Кабул, сказал он.

Алексей кивнул головой. Эта новость не радовала, так как незапланированная посадка значительно отодвигала вре-

мя их прибытия на базу. Хотелось быстрее оказаться у себя в комнате. Но приказ есть приказ. Через час с лишним их самолет приземлился на аэродроме города Герат, центра одноименной провинции. Экипаж и он сошли с борта размяться. Прошло уже сорок минут, но никого не было. Вдруг послышалась автоматная перестрелка со стороны «зеленки». Офицеры бросились на землю, приготовив оружие. Обслуга аэродрома засуетилась, стала занимать свои позиции.

На дороге, ведущей из «зеленки» показались два БТР с людьми на броне, за которыми поднималась стена желтой пыли. Стрельба стихла. Машины на высокой скорости приблизились к самолету и резко затормозили рядом с бортом. С брони спрыгнули военные, обсуждая между собой это короткое боестолкновение с душманами. К счастью, никто не пострадал.

Алексей стоял рядом с командиром экипажа, когда к ним подошел старший прибывшей команды, который представился командиру экипажа и Алексею. После коротких формальностей все быстро поднялись на борт, и лопасти двигателей закрутились.

В Кабуле приземлились в одиннадцать часов ночи. Все разошлись по ожидаемому их транспорту. Алексей простился с однополчанином.

Больше они не встречались никогда.

Алексея ожидал дежурный офицер его отдела на «таблетке».

– Торчу здесь уже пять часов! Остался без ужина!, с сожалением известил он Алексея.

– Солдат спит, а служба идет!, успокоил его Алексей и вкратце рассказал о происшествии с самолетом в Кандагаре. Рассказ о летающих купюрах произвел сильное впечатление, чем сгладил томительное ожидание дежурного, но думается, ужина всё же ему не заменил.

Дежурный довез Алексея до дома, в котором находилась его квартира, и убыл дальше дежурить. Подняться на четвертый этаж оказалось непросто. Кабул находится на высоте около двух километров выше уровня моря и в нормальном состоянии идти по этажам было тяжело, а в его случае тяжесть удвоилась.

Тяжело дыша, он открыл дверь квартиры и прямо с порога начал разоблачаться от снаряжения, затем пошел сразу в ванную. Воды хватило только умыться, закончилась. Есть не хотелось, хотя Алексей не ел в течение всего дня. Доковыляв до кровати, он рухнул на подушку. Но напряжение дня не сразу отпустило сознание. Он закрыл глаза, перед нимплыли сюжеты прошедшего дня. Наконец он уснул.

Ночью он проснулся от зубной боли, что было для него очень неприятным сюрпризом. К тому же общее состояние было как при гриппе. На кухне он откусил от куска хлеба, медленно проживал там, где болел зуб, запил холодной водой из чайника. Через некоторое время боль затихла, но все равно напоминала о себе. Алексей заснул.

Проснулся он днём, во второй его половине. За окном шумел ветер, который швырял в окно песок, солнце светило тускло, на улице не было ни души. Это начал дуть «афганец», как тут называют этот ветер после обеда. Хоть как затыкай щели, все равно к вечеру квартира будет в пыли и в песке. Все это вызывало тоску и злость, а тут опять у него зуб заболел, начала болеть правая сторона лица от глаза и вниз к зубам. Полный кирдык!

К тому же продукты закончились, есть ему нечего. Именно сегодня он планировал сходить в магазин для советников и затариться на неделю, но до магазина надо еще дойти. А завтра ему надо заступать на боевое дежурство. Идти не было сил. Вспомнив опыт с хлебом, Алексей вновь отправился на кухню. Кусок хлеба был невелик. Алексей налил полстакана водки, выпил и закусил частью этого куска. Сел на кровать и стал ждать воздействия «лекарства».

К его удивлению это сработало хотя и не сразу, но боль в лице все же слабо о себе напоминала. По всем верхним зубам стала пробегать как молния какая-то незнакомая ранее боль.

Ночь прошла в дрёме. Утром в его состоянии ничего не изменилось. Голодный и измученный он отправился на дежурство, которое обещало быть «веселым». Там ему удалось выпить горячего чая, что его несколько взбодрило. Заботы текущего дня его отвлекли, и он почти сроднился в этот день со своими физическими мучениями. Вече-

ром, когда офицеры отдела уехали в Кабул, а дежурная смена осталась одна, Алексей почувствовал сильную усталость, голова плохо соображала, до массированного поступления информации оставалось ещё минут пятнадцать, и он решил прилечь на гамак в своем дежурном кунге. Недолго музыка играла... Раздался короткий свист и хлопок.

– Обстрел! – закричал часовой,

– Всем в укрытие! – заорал «на автомате» Алексей.

С трудом спустившись на землю по лестнице, он так и остался возле своего кунга, сил не было, он присел на землю, прислонившись спиной к стволу дерева, которое росло рядом с входом в кунг. Он видел, как личный состав дежурной смены нырял по укрытиям, а двое из них буквально «влетели» под брюхо бронетранспортера, призванного прикрывать их отдел со стороны дороги.

Мины падали редко, разрывы то удалялись, то вновь приближались. Как они так стреляют? Но это и к лучшему, подумалось Алексею. Обстрел продолжался сорок минут. Этот обстрел нарушил ритм боевой работы, и на дежурную смену насыпался такой объем работы, что почувствовать себя или о чем-то думать, не было времени. Работу закончили в четыре часа утра. Еще полчаса Алексей готовил информацию на доклад высшему руководству. Уснул он прямо за столом.

Его разбудила команда часового, приказывающего кому-то стоять на месте. Рядом с ними находились ещё и связисты, а так как часовой его отдела молчал, то и гость при-

шёл не к ним. Но надо все равно пробуждаться. Утро было солнечным и уже жарким. По дежурству было затишье, и все собрались у кунга дежурного по отделу. Стали вспоминать, кто куда прятался, слышались шутки и смех. Молодость есть молодость. Особо досталось тем двоим, которые залезли под бронетранспортер, ибо назад вылезти они смогли только с помощью своих товарищей, ибо расстояние между днищем и поверхностью земли было небольшое и втиснуться туда в обычной обстановке трудно. Их оттуда вытягивали за руки и за ноги.

На часах было семь утра. Алексей взял папку с информацией и пошел на доклад к генералу, который приезжал всегда очень рано. Метров через двадцать он увидел результат обстрела; небольшие воронки на земле, а на гранитной поверхности стен здания министерства обороны Афганистана были видны глубокие сколы. Кое-где виден был желтоватый налет. Стоял неприятный запах. Фосфорные мины, догадался Алексей. Жуткая вещь.

Прошла неделя. В течение этой недели ему удалось побывать у фельдшера батальона связистов. Фельдшер сказал, что похоже на воспаление лицевого нерва и посоветовал купить в аптеке у афганцев лекарство под названием финлепсин, таблетки которого, по обыкновению у афганцев, продавались поштучно. Действительно, это лекарство помогало притупить боль, а если с водкой, то и утихомирить её, но сознание становилось затуманенным и требовало усилий, что-

бы вникать в суть вокруг происходящего.

Однако, решительного изменения в его состоянии не происходило.

И вот после очередного дежурства у него был день отдыха, и он решил пойти к знакомому врачу в советническом блоке афганского военного госпиталя. Госпиталь был построен советскими строителями и подобного роскошного госпиталя Алексей не видел в Советском Союзе не до не после войны.

Знакомый врач долго осматривал и расспрашивал Алексея, потом повел его к нейрохирургу. Тот в свою очередь проделал свои манипуляции, осмотрел шишку на голове. Вывод был убийственным: контузия, воспаление второй ветви тройничного нерва справа. Немедленная госпитализация. Прогноз – ухудшение состояния.

К этому моменту самочувствие Алексея было действительно, хуже не придумаешь. В отделе ребята будут злиться, подумал Алексей. Дело в том, что в их отделе болеть было нельзя, просто нельзя! Вот если пуля или осколок – тогда да, уважительная причина. Людей не хватало: надо и дежурить и вылетать на задания и выполнять текущую работу каждому по своему направлению.

Доводы Алексея на врачей влияния не оказали и они предупредили, что у него впереди сложное лечение, результат которого они не могут даже предсказать, а не то, чтобы гарантировать. В боевых условиях лечить тройничный нерв почти невозможно, последствия могут быть необратимы.

Алексей вспомнил ужасную ночь, которую ему пришлось недавно пережить, когда он обнаружил, что лекарство закончилось, как и водка, а на улице уже тридцать минут как начал свое действие комендантский час. Идти искать лекарство или хотя бы водку — безумие. Боль была ужасной, он метался по квартире до утра, пока боль не стала затихать. Его взгляд постоянно натывался то на автомат, то на пистолет. Ужасная ночь, ужасные мысли!

– Алексей! – сказал врач.

– Ты понимаешь, что твоё лицо может перекосить, и этот процесс необратим? А заливать боль водкой – быстрый путь к алкоголизму, так как каждый раз доза водки должна быть больше предыдущей.

Возразить было нечего. Тем более он сам заметил, что нужен уже стакан водки. Алексей согласился.

Спустя час он сидел на кровати в палате госпиталя рассчитанной на четверых человек. В палате кроме него находился один контуженный, один легко раненый советник по разведке, и один тяжело раненый подполковник. Тяжело раненый подполковник Алексею был хорошо знаком, они вместе проходили подготовку в Москве перед отправкой в Афган и одним рейсом прибыли в Кабул.

Знакомый врач к его лечению приступил незамедлительно. Ему поставили капельницу, дали таблетку финлипсина, какие-то ещё средства от боли тройничного нерва. От врачей он узнал, что финлипсин главным образом предназначен

для лечения эпилепсии. На ночь ему вколют морфий. Но самое главное – спокойствие и отсутствие повседневной нервозности и напряжения. Но все в Афганистане относительно.

Сразу выяснилось, что есть стряпню афганской столовой мало кто может из советников. Они отдавали свои порции часовому, и тот бойко их распродавал своим соплеменникам. Только вечером им приносили несколько картошек и три кусочка мяса буйвола темно-красного цвета с заветренными боками. Алексей есть мог только это вечернее мясо. Утром и в обед пил чай с печеньем и со сгущенкой или открывал банку мясных или рыбных консервов, которые он захватил с собой. Очень скоро он не мог уже видеть сгущенку, печенье и консервы. Организм просил борща, супа, неважно, лишь бы поесть жидкого!

Но и эти запасы быстро таяли, и наступил день их полного отсутствия.

Всех выручил Красный Крест, неожиданно появившийся в их боксе. Сотрудники Красного Креста привезли с собой теплый борщ и армейский хлеб. У раненых был праздник. Но выяснилось, что Красный Крест будет их посещать через день, а то и через два. Алексей каждый раз ждал приезда благотворителей с нетерпением. Прошла ещё неделя. Тяжело раненый стонал уже реже, разведчик готовился через неделю выписываться, а контуженый уже ожидал попутный на точку авиационный борт. У Алексея успехи были скромные. Если

с головой шло на поправку, в сторону кидало меньше и голо-
вокружение стало мягче, то вот нерв не поддавался лечению.
День на день не походил, и лицо болело, когда ему вздума-
ется, но ночью обязательно. Физиопроцедуры не помогали.
А тут еще и при ходьбе каждый шаг стал отдаваться болью
в лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.